

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Рой, Олег.
Р65   **Запасной козырь / Олег Рой.** — Москва : Эксмо, 2020. —
320 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-04-110845-8

Борис Козырев не планировал становиться героем — он мечтал о спортивной карьере и счастье с любимой девушкой. Но судьба распорядилась по-другому. Чтобы спасти свою семью, он вынужден пойти на сотрудничество со спецслужбами и рисковать собственной жизнью. Борис — запасной козырь в крупной антитеррористической операции, и только от него зависит, удастся ли избежать жертв среди мирного населения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110845-8

© Резепкин О., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Памяти моего сына Женечки
посвящается.*

— Грузите в машину. Сейчас ему дядя доктор укольчик сделает, и он сам все расскажет, только успевай слушать. Видали мы таких, упертых...

Двое бойцов подхватили его под мышки и поставили на ноги. Ноги подгибались, скованные за спиной руки согнулись кольцом, тело безвольным мешком повисло на подхвативших его руках.

— Ну чего? За руки, за ноги? — Третий боец подошел спереди.

Тело, только что болтавшееся безжизненной тряпкой, вдруг развернулось, словно стальная пружина. Он оттолкнулся ногами от земли, прогнулся назад... что-то хрустнуло — то ли локоть, то ли плечо... вывернувшись немислимым штопором, почти перевернувшись вниз головой, он зубами дотянулся до висевшей на поясе бойца гранаты... короткий щелчок...

Казалось, граната падает очень медленно — поворачивается, касается земли, взметнув небольшой фонтанчик пыли... через мгновение — нет, через четверть мгновения — рядом приземлилась выдернутая чека...

Глава 1

Дожевывая бутерброд, Борис разглядывал содержимое спортивной сумки. Вроде ничего не забыл, можно идти. Щелкнул замок, входная дверь начала открываться — и уперлась в черный сумочный бок.

— Эй, люди, — донеслось из коридора, — дайте воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде.

— Что-то ты сегодня рано, — буркнул Борис, распахивая дверь. — Все шедевры уже нарисовал?

— Не, немножко на потом оставил, — ухмыльнулся Глеб и кивнул на сумку. — На тренировку?

— Надеюсь, что нет, — промычал Борис неразборчиво, дожевывая остатки бутерброда.

— Не понял... — Глеб картинно поднял брови, изображая изумление. — Куда ты еще с этой бандурой, — он слегка подтолкнул сумку, — можешь намылиться?

На мгновение зеркало отразило их обоих — похожих, что называется, как две капли воды, но все-таки чем-то неуловимо различных.

Глаза готового к схватке бойца и глаза готового к работе художника одинаково зорки и сосредоточенны, но тени в глубине их — разные.

— Да есть одна тема... — плюхнувшись на пол, Борис принялся шнуровать кроссовки. — Клык обещал меня сегодня в настоящий бой выпустить. Если не подведет...

— Что еще за Клык? Почему не знаю? Ну-ка колись, брателло, — Глеб подмигнул.

— Ну... тренировки тренировками, про это все знают. Но там есть реальный бойцовский клуб. Ясен пень, я тебе ничего не говорил, угу?

— Могила, — ухмыльнулся Глеб. — А Клык главный, что ли? Странная кличка.

— Ну типа менеджера. Не самый главный, но за всем следит. Черт его знает, почему Клык — то ли укусил кого-то, то ли с зубами что-то не то. Ну вот Клык обещал меня сегодня в настоящий бой пустить. Если главный их разрешит. Такие дела! — одним стремительным движением поднявшись с пола, Глеб перебросил через плечо ремень сумки. — Так что можешь сходить в церковь и помолиться за своего братца. Стать настоящим бойцом — вроде как второй день рождения. Шутка! — Он подмигнул.

— Может, лучше помолиться, чтоб тебя там не прибили? — задумчиво проговорил Глеб и прислонился к двери, перекрывая выход. — Ты как, хорошо подумал? Тебе оно надо?

— Ты чего, братан, испугался за меня, что ли? Не смеши мои тапки! Я их всех на раз сделаю. Ты же меня видел на ринге, все говорят — ураган. Нет?

Но Глеб продолжал стоять возле двери, не давая брату выйти:

— Одно дело на ринге... Правила, рефери, секунданты, все дела. И то всякое бывает. А ты говоришь — бойцовский клуб. Это же бои без правил, так? Я про такие слышал... Могут и убить... И очень запросто...

— Прочь с дороги, куриные ноги! — Борис обхватил брата, приподнял и легкой подсечкой усадил на пол. Очень осторожно усадил, как стеклянного. — Ну не кукусь ты так. Ничего со мной не будет. Я крутой, но не тупой.

Не поднимаясь, Глеб уперся в дверь вытянутой ногой:

— Тогда я с тобой пойду.

— Вот еще новости! За каким лешим? Ты ж у нас художник, товарищ нежный, чувствительный. А там кровяца, зубы летают, уши трещат, ну и мать-перемать, не без того, — засмеявшись, Борис взъерошил брату волосы.

Отпихнув его руку, Глеб сердито буркнул:

— Нежный, говоришь... — но тут же усмехнулся. — Кто-то же должен будет твоё бездыханное тело в морг оттащить. Ну или в больничку, если повезет. — Он поднялся. — Не, я серьезно. Давай, я с тобой схожу. Посижу в уголке, порисую... пока тебе ребра будут пересчитывать. Мне правда так спокойнее. Ну и тебе хоть один болевщик. Или, — он вытащил мобильник, покрутил его у брата перед носом, — предкам настучу.

Борис захохотал:

— Ба, шантаж?! Неужели прям так-таки и настучишь?

— Прям так-таки и настучу, — повторил Глеб, снова помавав мобильником. — Клянусь... твоим здоровьем клянусь.

— Хм. Верю... Ладно, сдаюсь. — Борис махнул рукой. Пошли. Только если Клык тебя не пустит, я не виноват.

— Заметано, — улыбнулся Глеб. — Погодь две секунды, бутерброды прихвачу.

Борис засмеялся:

— Если ты про те, что от завтрака оставались, то я их уже схомячил, а новые некогда варганить, — приобняв брата за плечи, он потянул его к двери. — Время поджигает. Погнали уже, по дороге тебе чего-нибудь пожевать купим.

— Ну ты гад прожорливый! Самого близкого человека голодным оставил! Борис — повелитель дохлых крыс!

— Самый близкий у меня человек — это я сам, — ухмыльнулся тот. — Добудем тебе что-нибудь, не переживай. Глебушка-Глебушка, на тебе хлебушка!

Пихаясь локтями и обмениваясь привычными подколками, близнецы вышли из подъезда. По нагретому асфальту, в клубах тополиного пуха неуклюже топтались толстые ленивые голуби. Взлетели на мгновение, встревоженные приближением рычащего монстра с длинными водяными «усами», и снова опустились неподалеку.

Прозрачные водяные веера, расходившиеся от поливальной машины, вспыхнули на солнце двумя радугами. Братья переглянулись и, подпрыгивая и хохоча, пробежали сквозь сверкающую водяную завесу.

— Вот же балбесы! — сидевшая у подъезда остроногая, похожая на лисичку бабулька в белом платочке немного подвинулась — одна из водяных радуг обрызгала край лавочки — и погрозила сморщенным кулачком водителю поливалки.

Голову сидевшей рядом приятельницы — чуть помоложе и раза в два пышнее — украшала копна кудрей, выбеленных перекисью так, что они казались париком.

— Балбесы, — согласилась она. — Ну так молодые еще, кровь-то играет. А мальчишки хорошие. Хотя кто Борька, а кто Глебка, я так за семнадцать лет различать и не научилась. Или шестнадцать? Что-то я со счета сбилась...

— Почитай, все восемнадцать, — уточнила «лисичка». — Школу-то как раз окончили. А различить их разве что только мать родная может, даже отец, говорят, путает. Близняшки-чебурашки! Но хорошие, это ты правду сказала. Как в магазин кто из них идет, всегда спросит: я, дескать, в магазин, не надо ли и вам чего. Хорошо их воспитали.

— Вот и я про то же, — закивала кудрявая. — А то на многих нынешних посмотришь — ужас, что такое.

Из соседнего подъезда появился сантехник Самсоныч. Как и положено человеку, сознающему собственную незаменимость,

он, как всегда в середине дня, был под хмельком и потому пребывал в благодушно-философском настроении. Услышав последнюю фразу, он поглядел вслед удалявшимся близнецам, поскреб колючий от трехдневной щетины подбородок и изрек:

— Придет война — герои будут!

Для выражения мыслей Самсоныч предпочитал фразы в духе «народная мудрость».

Старушки хором на него зашикали, даже перекрестились одновременно:

— Типун тебе на язык! — возмутилась кудрявая. — Война, скажешь тоже! Мало наших отцов да братьев в землю сырую легло? Иди хоть пива выпей, может, чего повеселее в голову придет.

— И-и... — протянул Самсоныч. — Это еще неизвестно, что повеселее, да кому больше повезло. Отцы, деды да братья понятно за что полегли. За родину-мать. А близняшки эти за что нынче воевать станут? За место под солнцем, вот! — Он покачал заскорузлым пальцем. — Только все места давно позаняты. Свободными нынче только под забором места остались, в канаве с мусором. Чтоб под солнцем жить, надобно кому-нибудь глотку перегрызть, а то и не одну. Капитализм! — Он опять назидательно покачал коричневым от въевшейся грязи пальцем. — Все как завещал великий карла Маркс! — И Самсоныч неожиданно захохотал, представив себе Маркса лилипутом в цирковом костюме.

Близнецы же тем временем, добежав уже до ближайшего «Макдоналдса», купили жареной картошки и двинулись дальше. И уж конечно никакие беспокойные мысли — что там судьба готовит? — их не тревожили. Чего беспокоиться? Жизнь прекрасна и удивительна. Позади выпускные экзамены, впереди — выпускной вечер. Потом, может, повезет в какой-нибудь университет поступить, а если не повезет, можно и в армию сходить,

чего бояться двум таким богатырям. Вон как девчонки на кассах в «Макдоналдсе», едва завидев их, принялись челочки поправлять, глазками постреливать да между собой перемигиваться. Эх, девчонки, держите юбочки, как говорил какой-то поэт! Жизнь только начинается, а впереди — ух, что там впереди! — светлый горизонт, успехи и вообще красота!

Глава 2

Клык уже ждал у входа, покуривал, лениво прислонившись к стене. Но едва завидел братьев, даже сигарету выронил:

— Стоп, ребята! Что-то у меня сегодня в глазах двоится, — усмехнулся он, движением руки останавливая приближающихся парней. Те, переглянувшись, засмеялись. Дело привычное: каждый, кто впервые видел их вместе, приходил в легкое замешательство. — Подождите! — прищурился Клык. — Молчите! Оба. Я должен сам догадаться, кто из вас мой боец, — медленным, цепким взглядом он обвел обоих. — Ха! Элементарно, Ватсон! Вот ты, в кроссовках, Борис. Попал?

Братья синхронно кивнули.

— Значит, брата привел? Неужели тоже к нам хочет? — Клык переводил взгляд с одного на другого. — Да нет, что-то не похоже. Сдается мне, не шибко ему у нас тут нравится.

— Это Глеб. — Борис хлопнул брата по спине. — Он так, за компанию, увязался. Если не помешает, конечно. Художник он у меня. Порисовать хочет. С природы вроде как.

— Ну натура у нас тут богатая, — ухмыльнулся Клык. — Пусть рисует. Места всем хватит. Сам-то как? — переведя взгляд на Бориса, он опять прищурился, словно отыскивал какие-то только ему самому ведомые признаки: в форме боец или не очень.

— Я-то всегда готов! — отпартовал Борис. — А ты? Договорился? Ну насчет меня? Я буду сегодня драться? — глаза его вспыхнули азартным блеском, он даже ногой притопнул и сумкой взмахнул, точно под облака ее забросить собирался.

Клык укоризненно покачал головой:

— Спокойно, спокойно. Совсем не обязательно орать о наших делах на всю улицу... Нет, я пока не разговаривал... да не прыгай ты, как уж на сковородке. Сперва надо было на тебя взглянуть, мало ли. Мог ведь и передумать, или знаешь, как бывает? На словах человек готов, а поглядишь — и ясно, что все мысли только про то, чтобы сбежать подальше. Какой из такого боец? Но ты, смотрю, действительно готов. Теперь можно и с начальством переговорить, раз ты меня не подведешь. Заходите, ребяташки!

Борис было направился к знакомой двери под табличкой «Спортивный клуб «Дружба»», но Клык придержал его за плечо:

— Нет, Боря, нам не сюда. Двери в настоящую мужскую жизнь — они, знаешь, без вывески.

Мотнув головой, он шагнул к неприметной двери неподалеку — железной, в струпьях облупившейся краски и ржавых потеках. Возле нее дежурил здоровяк в тренировочном костюме. На бритой голове резко выделялись многочисленные шрамы, из-под фуфайки виднелась часть татуировки — обвивающий мускулистую шею парня хвост не то змеи, не то дракона.

— Это со мной, — бросил Клык, едва замедлив шаг.

Неожиданно проворно для своей комплекции и кажущейся флегматичности здоровяк повернулся, замок щелкнул, и ржавая дверь распахнулась — мягко, без ожидаемого лязга, почти беззвучно. Облицованный розовато-серым мрамором недлинный коридор казался просторнее из-за зеркального потолка, в котором отражались вмонтированные в пол светильники. Коридор упирался в еще одну дверь — явно бронированную. Клык провел

по электронному замку извлеченной из кармана картой, дверь коротко пискнула и уехала в стену.

Стал слышен отдаленный шум: возгласы, крики, надрывный женский смех, топот ног, даже звон стекла.

Клык тронул Бориса за локоть:

— Братца твоего я где-нибудь в уголочке пристрою, чтоб глаза никому не мозолил. А ты давай со мной, в тренировочный зал. Переодевайся, разминайся, ну сам знаешь. Только учти, с тобой пока еще ничего не решено. Как Босс скажет, так и будет. Даст «добро», станешь сегодня драться, ну а нет — отложим твоё свидание с судьбой до лучших времен. Кстати, о лучших временах. У тебя выпускной-то вечер когда? — Он оглянулся на Глеба. — В смысле, у вас.

— Послезавтра, — коротко доложил Борис, жадно вглядевшись в полуоткрытую дверь поодаль — оттуда несся тот самый гомон, и даже можно было разглядеть мелькавшие над возвышением ринга блестящие от пота торсы борцов.

Клык усмехнулся:

— Что, уже бьешь копытом, рвешься в бой? А если тебе сегодня личико-то разукрасят? Как на гулянку пойдешь?

— Подумаешь! — фыркнул Борис. — Ну припудрюсь. Или, — он тоже ухмыльнулся, — маску карнавальную напялю, вроде как для веселья.

— Маску Супермена? — подхватил шутку Глеб, но голос его звучал мрачновато.

— Буратино! — буркнул Борис, облизнув внезапно пересохшие губы.

— Ну смотри, физиономия твоя, — равнодушно согласился Клык. — А то еще не поздно назад отыграть.

— Назад только раки пятятся, — резко выдохнул Борис. Глаза его из-под нахмуренных сосредоточенно бровей глядели

остро, чуть ли не зло. Ноздри слегка раздулись, чуя дыхание близкой схватки: резкий запах «адреналинового» пота, чуть разбавленный подвальной сыростью, алкогольными парами и табачным чадом. Запах настоящей — взрослой! — жизни, доселе запретной и недостижимой. Сегодня, сегодня он в нее шагнет. Да что там шагнет — окунется. Станет ее частью, нет, не частью — хозяином. Теперь это будет его собственная жизнь. И на пути к ней он разнесет в пыль любую помеху... Или его разнесут... Ну нет, этого не случится, не может случиться!

Кулаки его непроизвольно сжались, на плечах, руках, спине, шее прокатились в предвкушении схватки мускулы. В голове зашумело.

Эх, жалко, Аленка его сегодня не увидит! Хотя она, наверное, пришла бы в ужас, поэтому так даже лучше. Потом он просто поставит ее перед фактом. Свершившееся обсуждать бессмысленно и глупо. Тем более что он ведь не просто так — он работает, наконец, денег. Пусть с официальной точки зрения он еще пацан — ха, как же! Мальчишка от взрослого мужчины чем отличается? Тем, что сам решает проблемы. Он принесет кучу этих дурацких денег, и это сразу решит массу проблем. Первым делом — снять для них с Аленкой какое-нибудь жилье. Нельзя ей оставаться со своей семейкой — это ж не дом, это притон какой-то. И Борис, как полагается взрослому мужику, сможет наконец вытащить оттуда свою девушку. Потом... потом — родители. В первую очередь — мать. Можно будет прямо у нее спросить: сколько ты получаешь в своей конторе, где из тебя только что веревки не вьют? Сколько можно горбатиться на этих упырей? — он как будто слышал этот будущий диалог. И недоумение матери, и собственную уверенность: куда деваться, спрашиваешь? Для начала съезди в санаторий, отдохни. Вместе с отцом. На месяц, на два, на сколько нужно — не проблема.

Ах на какие шиши? Пожалуйста, мамочка, вот, получи — все по-честному, заработанное. И костюм новый отцу купи, и себе чего-нибудь — деньги будут, я еще достану, не беспокойся.

Очнулся Борис от встревоженного братнина шепота:

— Ты чего, на ходу спишь? Ох, зря мы пришли, ты глянь, какие рожи, жуть, как в триллере каком-нибудь. Слуш, мож, пока не п-поздно, с-свалим от-тсюда? — Глеб от волнения даже заикаться начал, постукивая зубами, словно в ознобе. — И у тебя самого физия — брр. Как закаменел весь. И глаза стеклянные. Эй, братишка, ты...

— Не бойсь, — Борис растянул непослушные, точно резиновые губы в некое подобие ухмылки. — Вот увидишь, я их всех сделаю! Сделаю! Будет им небо в алмазах!.. А ты под руку не каркай, настрой мне не сбивай. Боишься, топай домой, не держу.

— Вот прям! Так я тебя, дурака, одного тут и оставляю! — Глеб слегка приободрился: оказывается, напугавший его стеклянный взгляд не просто так, а — настрой. Значит, братишка знает, что делает, и мешать ему не стоит. Впрочем, его все равно не переубедишь. Глеб и сам был такой. Ну или почти такой. Фамильная черта. Оба в отца пошли. Тот, как Ломоносов, в Москву пешком притопал. После детдома. Ему там направление в техникум по окончании восьмого класса выдали — типа вот твоя стезя, ползи и не рыпайся. А он рванул в большую жизнь. Добрался до столицы, а там не к бомжам подвальный прибился — подсобником на стройку. Спал в бытовке, потом угол в рабочем общежитии дали. В вечернюю школу пошел, затем в Строгановку. Там на такого абитуриента рты пораскрывали: сирота, лимитчик, после вечерней школы. Таких без блата только в тюрьму берут, а этот... А «этот», ко всему прочему, еще и чуть не всю Третьяковку в блокнотик перерисовал. Точнее, в одиннадцать альбомов. Вот и взяли. Поохали, поахали, но — взяли. Такой вот у них